

ВЕРА
УСТЮГОВА

ЖЕСТОКИЙ КАВКАЗ

Русская жена

Вера Устюгова

Жестокий Кавказ.

Русская жена

<https://litres.ru/74208149>

Аннотация

— Выбирай. Или ты становишься моей женой...

— Или?

— Или улетаешь домой без сына. Ребенок останется здесь, со своей семьей.

— Ты в своем уме? Я — жена твоего младшего брата...

Мои мечты о тихой семейной жизни рассыпались в прах среди гор сурового Кавказа, куда я приехала, чтобы похоронить мужа.

Вместо счастья меня ждет жестокая борьба за сына и чужой мир со своими законами. А еще Арслан Керимов, который привык, что все вокруг подчиняются его слову.

Однако в моих глазах он не увидит покорность. Там огонь — отчаянный и опасный, и в нем мы сгорим дотла.

2 ЧАСТЬ —

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог

— Арслан Ахметович ждет вас, — раздается из дверей сухой, но вежливый голос Айшат, помощницы по хозяйству в доме Керимовых.

— Иду, — откладывая книгу, которую читала Роме, и поправляя одеяло, плотнее закутывая сына.

Здесь хоть и нет такого обилия снега, как у нас, но климат другой, еще более суровый. Из-за этого вполне теплые плюс пять ощущаются, как минус тридцать. Не меньше.

Похороны прошли, ужин завершился, формальности соблюдены. Я сделала все возможное, чтобы попрощаться с Данияром, и завтра утром на первом же автобусе мы с Ромой уедем отсюда.

Ему здесь не место, как и мне, потому что эти люди... Варвары!

Грубые, невоспитанные, жестокие — теперь я прекрасно понимаю, почему Данияр не знакомил меня с семьей. Раньше я обижалась, а теперь верю — он действительно защищал нас с сыном от этого невежества.

И все разговоры, что его семья слишком радикальная, слишком консервативная больше не кажутся бредом.

Керимовы и правда такие.

Они застряли в позапрошлом веке, а нам с Ромой пора возвращаться в наш спокойный, привычный мир.

— Прошу, — Айшат показывает на массивную деревянную дверь, подталкивая меня вперед, — Не беспокойтесь, Татьяна, — зачем-то добавляет она напоследок, — Я присмотрю за мальчиком. Мы будем его любить и оберегать, как любили Данияра. Он ни в чем не будет нуждаться.

О чем она?

Поворачиваю голову в сторону женщины, но спросить не успеваю. Дверь за мной закрывается, наглухо отделяя от коридора.

— Садитесь, Татьяна. Нам пора поговорить.

Резко разворачиваюсь и не сразу понимаю, откуда идет звук. В кабинете горит только один торшер в углу рядом со мной, остальное помещение во мраке, и это темнота создает пугающую картинку.

Но вот глаза привыкают, и я вижу Арслана Керимова перед собой. Мужчина, как всегда грозный и внушительный, сидит за столом в большом кожаном кресле и в ожидании смотрит на меня.

— Пора, — отвечаю спустя пару секунд и сажусь на стул, на который указал Арслан, — Я не буду больше мозолить вам глаза, — начинаю разговор первая, — Очевидно, что вы не рады мне, а я, честно признаюсь, не рада нашему вынужденному родству. Завтра вечером у нас с Ромой самолет из Минеральных вод. Утром мы уедем на первом автобусе и...

— Не уедете.

— Что? — переспрашиваю, не понимая, о чем он.

Уедем. Еще как уедем. Если бы не отсутствие всякого транспорта в это время суток, я бы прямо сейчас разбудила сына и уехала отсюда.

— Рома останется здесь, — устало повторяет Арслан, даже не пытаясь скрыть свое раздражение ко мне, — Рядом со своей семьей и с теми возможностями, которые мы сможем ему дать.

С чем-чем?..

Услышанное мгновенно вызывает во мне ярость.

То есть семь лет они не хотели ничего знать о ребенке, а тут вдруг вспомнили о нем?

— С какими такими возможностями?! — вскакиваю со стула и буквально нависаю над мужчиной, — Какие возможности вы сможете ему дать? Вы вообще откуда такое слово знаете? — нервно усмехаюсь, — Где вы и возможности?!

Здесь не принято перечить, особенно если перед тобой глава семьи, кем является Арслан. Но я — это я.

Я выросла в другом мире и никогда в жизни не буду ни перед кем склонять голову. Особенно когда кто-то пытается указывать мне, матери, с кем останется мой ребенок.

— Успокойся! — опасно рычит Арслан, сверкая своими холодными черными глазами, — И сядь на место.

— А то что?

— А то, — шумно выдыхает он, — Я собственноручно выставлю тебя за дверь и не дам нормально попрощаться с сыном.

Глава 1

Раннее утро 1 января

— Тань... — тихо зовет мамин голос, — Танюш, ты что на стуле уснула?

И правда уснула. Даже не заметила.

Поднимаю голову, морщусь из-за боли в шее и первым делом смотрю не на маму, а на часы.

Семь утра, а Данияра до сих пор нет.

Беру со стола телефон и еще раз звоню мужу. Гудки, гудки, гудки...

Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

— Не отвечает? — обеспокоенно спрашивает мама, продолжая нависать надо мной.

— Нет, не отвечает...

Встаю, разминаю плечи и во время этой легкой зарядки замечаю свое отражение в зеркале старого серванта.

Уставшая, серая. Волосы, которые я вчера тщательно укладывала, превратились в солому. Новое платье помялось.

Выгляжу так, словно по мне пару раз проехался каток.

— Где же он? — выдыхает мама, переводя свое внимание с меня на стол, — А еда почему не в холодильнике? Она же испортится.

— Не убирай, — останавливаю ее, — Данияр скоро при-

едет и поест.

Он должен был прилететь еще вчера. В обед — как указано на его билете. Но самолет приземлился, а он не приехал. И не отвечает.

— Таааань, — ласково шепчет в трубку любимый голос, — Я дико соскучился. И по тебе, и по Ромке. Знаешь...

— Что? — перебиваю его и не могу сдержать улыбку.

Через две недели Новый год и конец нашей разлуки — в груди от этой мысли растекается приятное тепло.

Так заведено у нас все девять лет совместной жизни — один раз в год Данияр на целый месяц уезжает в свою республику к родне. В этом году он уже ездил туда в августе, но его мама заболела, поэтому пришлось поехать еще раз в декабре.

— Я приеду, и мы поженимся, — уверенно отвечает мужчина в трубку, озвучивая мои самые заветные мечты, — А еще родим Ромке братика. Хочу еще одного сына от тебя, Тань. Родишь?

— Рожу, — от радости начинаю хихикать в динамик, — И сына, и дочку. Только приезжай поскорее.

— Приеду, — заверяет Данияр, добавляя громче, — Клянусь!

— Когда скоро? — на мгновение вспыхивает мама, но тут же берет себя в руки, как всегда, скрывая свои истинные чув-

ства к моему мужчине.

Она не любит Данияра. Ничего не говорит мне, не пытается нас разлучить, но и не в восторге от моего выбора.

И дело тут не в национальности или религии — просто мама не понимает, почему за девять лет совместной жизни Данияр не сделал мне предложение. Она хоть и достаточно современная женщина, образованная, но все же относится с настороженностью к нему.

«Тань, у вас уже сын в школу пошел. Вы квартиру в ипотеку собираетесь брать, а кольца на твоём пальце до сих пор нет», — выдала она в начале декабря, когда Данияр уже уехал.

Тогда я попросила ее не начинать эту тему, но внутри что-то отчаянно ныло. Все девять лет мы живем в так называемом гражданском браке, и поначалу меня такое положение устраивало, даже когда родился Ромка.

Данияр объяснял это тем, что не хочет втягивать меня в свою семью. Керимовы — непростые люди. Сложные, чересчур консервативные во взглядах на жизнь.

И все стало хуже со смертью отца Данияра. Место главы семьи занял его старший брат Арслан, который, по словам любимого, еще жестче и радикальнее. Он ни за что не потерпит мое присутствие в своем доме, а Рому никогда в жизни не признает своим племянником.

В общем, древность, от которой Данияр когда-то сам сбежал в Москву, чтобы учиться и жить здесь, в большом горо-

де с любыми возможностями. А не в своей деревне, где до сих пор существует кровная вражда, а о браках детей договариваются с их младенчества.

— Скоро, — выныриваю из мыслей и, наконец, отвечаю маме, которая так и застыла над столом с миской салата в руках, — Пусть будут комнатной температуры. Холодные не такие вкусные, — добавляю уже мягче, потому что не хочу ссориться.

Новый год все-таки. Рома еще спит, но уже через пару часов он проснется и прибежит к нам, ожидая, что его встретит любимый папа с подарками под елкой.

— Испортишь продукты, потом уже ни горячим, ни холодным не накормишь, — сдается мама и ставит обратно оливье на стол, — Ложились бы спать. Больше суток на ногах.

— Лягу, — киваю, — Только дождусь Данияра и сразу лягу.

Мама ничего больше не говорит. Недовольно поджимает губы и, смирившись с моей упертостью, уходит в детскую к Роме дальше спать.

Ее можно понять, но и меня тоже.

Проходит еще полчаса, и я не выдерживаю. Нахожу ВКонтакте страничку сестры Данияра и, пересилив себя, пишу ей.

Фатима Керимова — единственная из их семейки, кто поддерживает хоть какую-то связь с нами. Мы не общаемся, но Рома каждый год на день рождения получает от нее подарок: или умные книжки с головоломками, или деньги.

Татьяна Полякова: *Фатима, здравствуйте. Извините, что беспокою вас в такой час, но я не могу дозвониться до Данияра. Он должен был прилететь от вас еще вчера. Вы знаете, что с ним?*

Фатима читает сообщение сразу. Будто ждала его и держала наш диалог открытым.

Но она читает и молчит. Долго молчит. Наверное, минут пятнадцать проходит, прежде чем я получаю голосовое сообщение от нее:

«Татьяна, здравствуйте. Данияр не вернется к вам. Вчера он поехал с друзьями в горы покататься на джипах. Не справился с управлением и упал на своей машине с обрыва, разбившись насмерть. Завтра МЧС будет доставать его оттуда, а послезавтра мы, дай Аллах, его похороним. Пожалуйста, больше не пишите мне. Забудьте нашу семью и живите своей жизнью. Так будет всем лучше. До свидания».

Глава 2

Не помню, как теряю сознание. Просто отключаюсь и с грохотом падаю на пол.

Открываю глаза уже на диване. Рядом мама и до ужаса испуганный Ромка. Представляю, какую картину они видели: сначала жуткий грохот от падающего тела, а потом меня в центре комнаты.

— Мама? — всхлипывает детский голосок, — Ты умираешь?

— Конечно, нет! — слишком нервно, и оттого громко произносит мама, — Все с ней в порядке. Просто устала.

Не справился с управлением и упал на своей машине с обрыва, разбившись насмерть.

Слова Фатимы, словно яд, проносятся по венам, причиняя невыносимую боль. Хочется вопить на всю глотку, заливая лицо слезами, но нельзя.

Во-первых, ни Роме, ни маме опасно так нервничать. Ребенок просто не справится с потерей отца, а мама на следующей неделе ложится в больницу на операцию.

А, во-вторых, я не верю Фатиме.

Как это вчера разбился? Вчера он должен был с утра сесть на самолет и лететь ко мне. Данияр никак не мог поехать с какими-то мифическими друзьями, которых у него там никогда не было, в горы кататься на джипах.

Он миллион раз говорил мне, что люди там не умеют дружить, поэтому контактировал исключительно с родственниками.

— Да, Ромочка, — оживаю, охваченная решимостью все разузнать, — Я устала и не выспалась, поэтому упала, но сейчас со мной все хорошо. Иди сюда, я хочу обнять тебя.

Тяну руки к сыну, и он послушно подходит и обнимает меня, успокаивая грохочущее сердце. Рома даже пахнет, как Данияр, и это запах мгновенно гасит бурю внутри.

— Иди к себе, — шепчу в темную макушку, — Забирай все подарки под елочкой и иди в свою комнату открывать их.

— А папа где? — неосознанно своим вопросом ранит меня ребенок, — Он обещал, что мы вместе будем смотреть подарки от Деда Мороза.

Точно. Обещал.

А еще Данияр сам заказал все подарки для сына через маркетплейс. Я забрала их на днях и упаковала, спрятав на работе.

— Папа... — смотрю в карие глаза сына, — Из-за метели его самолет задержали, поэтому папа приедет позже.

Знаю, нельзя врать. Роме уже семь лет — возраст, когда детям нужно говорить правду, не выдумывая сказочки про папу космонавта или задержку самолета.

Но я не могу сказать ему, что случилось с его папой, пока сама не выясню всю правду.

— Давай, Ром, — мама быстро улавливает что-то нехоро-

шее в моем голосе и тоже подталкивает внука в детскую, — Ты пока начинай смотреть подарки, а я скоро приду к тебе. Хорошо?

— Ладно, — грустно выдыхает ребенок и уходит, собрав в обе руки многочисленные коробки с подарками.

В этом году «Дед Мороз» принес Роме больше, чем обычно. Не знаю почему, но Данияр захотел побаловать ребенка сверх меры, хотя я поначалу была против.

Согласилась только после аргумента, что сын пошел в первый класс, и у него был тяжелый год.

— Рассказывай, — требует мама, закрывая двери в зал, — Что это за представление с обмороком? Ты беременна?

Надежда Петровна Полякова вкладывает в свой голос максимум строгости, на какую способна. Не зря столько лет проработала учителем химии в гимназии.

А я больше не могу молчать и тем более подбирать какие-то правильные слова, лишь бы не расстроить ее.

— Фатима сказала, что Данияр погиб...

— Что? — глухо произносит мама, хватая меня за плечи.

Не чтобы встряхнуть, а просто потому, что новость также сильно сбивает ее с ног, и надо за что-то ухватиться.

— Фатима сказала... — начинаю всхлипывать, — Что он вчера отправился в горы и вместе с машиной упал с обрыва, не справившись с управлением...

— Вчера?

Киваю, глотая слезы. Весь мир, который я строила и тща-

тельно оберегала, рушится по кирпичикам. Любовь всей моей жизни прямо сейчас лежит в каком-то чертовом овраге среди Кавказских гор.

— Подожди, — мама отрывается от меня и выпрямляется, — Как это вчера? У него же рейс был на десять утра. Когда он успел в горы поехать?

— Не знаю, — тоже встаю, подхожу к столу и выпиваю стакан компота, который не допил Ромка, — Фатима записала голосовое сообщение, где сообщила, что Данияр умер, и послезавтра его хоронят.

— Что-то здесь не чисто, — задумчиво произносит мама, занимая мое место на диване, — Почему хоронят только послезавтра? У мусульман принято хоронить в тот же день до захода солнца.

— Она сказала, что машина с телом... — осекаюсь, представляя в голове эту ужасную картину, — Что завтра придут сотрудники МЧС и будут доставать его тело из оврага. Наверное, сначала его повезут в морг на вскрытие, а только потом передадут родным.

Какая же дикость рассуждать о Данияре в таком ключе. Морг, тело...

Я ждала его с кольцом и предложением, а теперь топчусь тут на месте и обсуждаю порядок погребения у мусульман.

— Надо позвонить этой Фатиме и все узнать...

— Я поеду туда, мам.

— Куда? — удивленно смотрит на меня она, будто я смо-

розила чушь, — Куда ты поедешь?

— В деревню, где живут Керимовы.

Другого выхода у меня нет. Да, надо позвонить Фатиме и все узнать, но даже если Данияр жив и его сестра мне соврала, он все равно в беде, потому что иначе никогда бы не пропал без объяснений.

Особенно в Новый год, прекрасно зная, как его ждет Рома.

— А внук?

— С собой возьму, — спокойно отвечаю на ее допрос, параллельно открывая сервис для поиска билетов.

Ближайший рейс до Минеральных вод через четыре часа. Как раз чтобы собрать наши вещи и доехать до аэропорта.

— Татьяна, ты с ума сошла?! — ожидаемо реагирует мама, — Керимовы тебя не любят. Ты там никогда не была. Куда ты собралась с ребенком?

— Мам...

— Что «мам»? — перебивает она, вскакивая с дивана, — Это ты хочешь тащить ребенка в незнакомый аул, а не я. Там все по-другому, Тань. Там люди другие. Другой менталитет и взгляды на жизнь. Если Керимовы не приняли вас раньше, то сейчас не жди от них гостеприимства. Вас или на порог дома не пустят, или сделают что-то еще хуже...

— Не выдумывай, пожалуйста, — тоже не сдерживаюсь, но понимаю, что мама отчасти права.

Данияр столько рассказывал про семью, что у меня иногда волосы вставали дыбом. В какой-то момент я бы туда не

поехала даже с ним, а тем более одна и с ребенком.

Но сейчас у меня просто нет другого выхода.

Пока мама бормочет себе под нос в попытках вразумить свою «непутевую дочь», я звоню Фатиме. Через тот же ВКонтакте, потому что прямого номера у меня нет.

Первый сброшенный вызов, второй, пятый и седьмой. Она не просто не отвечает мне, девушка намеренно сбрасывает каждый звонок после третьего гудка.

— Не берет, — сажусь на стул, массируя виски, чтобы хоть немного унять головную боль.

— Естественно, она не берет, — отвечает мама, даже не скрывая злость в своем голосе, — Удивительно, что эта девица вообще рассказала тебе про гибель Данияра. Наверное, капля совести у нее единственной осталась из всей этой семьи.

Мама ворчит еще долго.

Стоит над душой, пока я собираю сумки и пока придумываю глупую легенду для Ромы, что нам срочно нужно поехать к папе. Пока привожу себя в порядок и собираю документы.

Успокаивается Надежда Петровна, только когда до приезда такси остаются считанные минуты.

Рома в коридоре. Слегка напуганный, смотрит на нас с выпученными глазами, но собранный и одетый. В своей школьной форме, потому что это первое, что мне попало под руку.

Я же в простом черном платье. Натягиваю сверху теплое

пальто, завязываю на шее черный платок, который дала мама, и беру наш старенький чемодан, чтобы пойти к сыну.

— Стой, Тань, — останавливает меня на полпути женщина, — Подожди минуту. Я сейчас.

— Мам, у нас такси... — пытаюсь возразить, но отвлекаюсь на телефон, который начинает вибрировать в кармане.

Новое сообщение от Фатимы!

Фатима Керимова: *Татьяна, я прошу вас не звонить и не писать мне. Пожалуйста, не приезжайте и ничего не делайте. Вас здесь не ждут.*

— Вот.

В моей руке тут же оказывается бумажный сверток.

— Что это? — непонимающе смотрю на него.

— Церковные свечи. Пока ты носилась по квартире и собирала вещи, я посмотрела в интернете, что в соседнем городе в той республике есть православный храм. Если... — она на секунду замолкает, будто хочет проглотить ком в горле, — Если Данияр все-таки погиб, обязательно съезди туда и поставь свечку за упокой его души. Неважно мусульманин ты или христианин. Бог един, и он услышит твои молитвы.

Глава 3

Дорога до родины Данияра занимает намного больше времени, чем я себе представляла. Сначала наш рейс задерживают на три часа, потом мы летим еще четыре до Минеральных вод, а после тратим целый час на поиски нужного автобуса.

Дорога до республики — еще четыре часа, но в ночь с тридцать первое на первое в этом регионе выпал снег, поэтому мы плетемся все шесть, и в какой-то момент мне кажется, что я сойду с ума и приеду к финальной нашей точке в невменяемом состоянии.

Радует и одновременно огорчает, что Рома ведет себя тихо. Он мало спрашивает, послушно выполняет все, что я попрошу, и даже не пытается капризничать.

Радует, потому что у меня нет ни моральных, ни физических сил что-то объяснять ему и успокаивать.

Огорчает, потому что это не его типичное поведение. Нет, мой ребенок не шумный и не гиперактивный, но все же не такой молчаливый и замкнутый.

Словно он считывает мои эмоции.

— Мам? — будит меня детский голос, — Мама?

— А? — резко и болезненно вынырываю из сна, на пару секунд теряя ориентацию во времени и пространстве, — Что, Ром?

— Мы приехали?

— Приехали? — удивленно вытягиваю шею, чтобы хоть что-то рассмотреть сквозь запотевшие стекла.

На часах шесть утра. Итого наша дорога до деревни заняла больше двенадцати часов, и я не представляю, как встану на ноги.

Потому что тело затекло так, что я его практически не чувствую. Добавить сюда то, что мой организм уже сутки не получал никакой еду, а еще обморок после новости о гибели Данияра.

— Девушка! — грозно зовет водитель, — Конечная остановка. Вы собираетесь выходить?

— Собираемся, — кричу ему в ответ, отрывая пятую точку от старого и жутко неудобного сиденья.

Тело тут же начинает ныть от боли, но я игнорирую задушевные мышцы и иду вслед за Ромой, таща за собой наш чемодан.

Выходим, осматриваемся, и я лезу в сумочку за телефоном, чтобы проверить адрес. Дом Керимовых находится не прямо в деревне, а на окраине. Хорошо, что за пару сотен водитель автобуса согласился высадить нас по нужному адресу.

— Это дом папы? — удивленно восклицает Рома, показывая мне на что-то пальцем.

Высокие ворота медленно расступаются по сторонам, и перед нами открывается... Дворец, не меньше.

— Это... — даже не знаю, что ответить, — Думаю, да.

Данияр говорил мне, что его семья весьма обеспечена, потому что много лет назад Ахмет Керимов основал компанию по продаже строительных материалов, но, чтобы настолько...

Это, правда, дворец. Самый настоящий.

Большой, из светлого камня, с колоннами и арками.

Я не так себе представляла родной дом Данияра. Совсем не так. Да и он все описывал по-другому. Скромнее и более мрачно, а тут...

Я бы сказала, что дворец выглядит величественно, но красиво. Аккуратно. Кричит о статусе его владельцев, но не отдает безвкусицей.

Ворота открываются полностью, и к нам выходит охранник в черной кожанке. Он ничего не говорит и не просит, лишь мотает головой в сторону главного входа, приглашая внутрь.

И мы проходим.

Идем медленно, осторожно. Оба, не сговариваясь, смотрим по сторонам и крепко держим друг друга за руки.

— Мам, а где папа? Он нас встретит? — шепотом спрашивает Рома.

— Не зна... — мгновенно замолкаю, когда из дома раздастся молитва.

Не пение, но очень похоже. Звук четкий, громкий и страшный, и когда открывается входная дверь, этот звук ста-

новится еще звонче.

Видимо, это мулла читает суры из Корана.

Значит...

Значит, Данияр погиб, и Фатима не врала.

На секунду сердце останавливается, а горло охватывает спазм, лишая легкие кислорода. Ноги в теплых сапогах примерзают к земле, но рука, сжимающая руку Ромы, превращается в тиски.

— Ай! — всхлипывает ребенок, пытаясь вырваться из моего захвата, — Больно, мама!

Мама, мама, мама, мама...

Он зовет меня так еще долго, но все звуки вдруг превращаются в далекий фон, и я ничего не слышу, кроме молитвы.

Из дома выходят какие-то люди. Все в черном.

Мужчины курят в сторонке, а женщины в платках что-то активно обсуждают.

Вряд ли эти люди собрались здесь, чтобы отметить наступивший Новый год. Данияр как-то рассказывал, что в их мире не принято собираться за столом в ночь на первое января.

Кто-то, конечно, ставит елку и отмечает, но чаще это осуждается.

— Это похороны... — беззвучно шепчут губы, а рука, наконец, разжимается, освобождая детскую ладонь, — Они хоронят его.

— Кого? — встает передо мной Рома, — Кого они хоронят?

С трудом перевожу взгляд на сына и в его черных холодных глазах вижу адское для любой матери сочетание — ужас от всего происходящего, обида от непонимания и желание, чтобы этот кошмар прекратился.

А еще там осознание. Кажется, Рома и сам начинает догадываться, на чьи похороны мы приехали.

Глава 4

Заходим в дом без приглашения. Не стучим, не просим позвать хозяев — молча проходим внутрь и попадаем в просторный холл.

В воздухе пахнет травами, все также слышится голос муллы, и повсюду какие-то люди. Удивительно, но в помещении одни мужчины. Все в черном, у многих длинная борода, а еще четки в руках.

Они замечают нас сразу. Липкие взгляды проходятся по мне с головы до пят, а следом перетекают на Ромку, который усиленно жмет к моему боку. Он боится, все вокруг для него дико и непривычно, но в следующую секунду происходит то, что окончательно выбивает почву из-под ног.

— Папа! — оглушительный детский крик и маленькая ручка, показывающая куда-то вперед.

Поворачиваю голову и вижу то, что так сильно напугало сына — большую фотографию Данияра на подставке на круглом столике у стены.

Черно-белая фотография улыбающегося Данияра и черная лента.

Лавина боли в который раз проходит по венам, превращая кровь в кислоту. Хочется упасть прямо тут на колени и расплакаться под фотографией, позволив себе хоть немного погоревать из-за утраты любимого человека.

Но для меня сейчас это непозволительная роскошь. Надо увести Ромку, спрятать его от фото отца и ужасных взглядов бородатых мужиков. Надо объяснить ему все и успокоить, а после найти Фатиму или Арслана.

— Идите за мной, — перед нами резко материализуется какая-то женщина, хватая меня за руку и уводя в сторону лестницы.

Тоже вся в черном: в классической юбке до щиколоток и в длинной рубаше с длинными рукавами. На голове хиджаб в тон, полностью скрывающий волосы и оставляющий только округлое хмурое лицо.

— Куда мы идем? — спрашиваю, когда мы оказываемся на втором этаже, виляя по длинным темным коридорам.

— В вашу комнату, — сухо отвечает она, продолжая тащить нас с притихшим Ромкой.

То ли он отвлекся на женщину и забыл про снимок, то ли пребывает в оцепенении из-за новости о смерти отца.

— Айшат! — шепотом кричит знакомый голос, и мы втроем, как по команде, останавливаемся и разворачиваемся.

Это Фатима!

— Фатима? — зову девушку и через долю секунды попадаю в ее объятия.

Мы никогда не виделись вживую, практически не общались и не пытались лезть друг к другу. Но сейчас она здесь, и внутри меня разливается облегчение.

— Ну зачем ты приехала? — шепчет Фатима, продолжая

обнимать меня, положив голову на плечо, — Я ведь просила тебя.

— Я не могла по-другому, — в горле резко становится сухо, а в уголках глаз, наоборот, стремительно скапливается влага, — Дайте мне попрощаться с ним, и мы тут же уедем.

— Брат будет в ярости, а мама...

— Мне все равно, — отрываюсь от Фатимы и позволяю ей переключить внимание на Ромку, пока вытираю слезы, — Пусть что угодно говорят, но они не смогут запретить мне увидеть его.

— Оххх, Таня... — качает головой девушка, не прекращая глазеть на моего сына, — Не все так просто, как тебе кажется... Но ладно. Вы уже приехали, и это не изменить. Айшат, отведи Таню с Ромой в мою комнату, а я пока схожу к брату и предупрежу его.

— Ты ведь вернешься? — подает голос Ромка, — И проводишь нас к папе?..

— Вернусь, — с вымученной улыбкой обещает Фатима, а вот про «проездишь к папе» ничего не говорит, резко разворачивается и убегает.

Буквально убегает, будто за ней черти гонятся.

— Татьяна, идем, — строго напоминает о себе Айшат, и мы с Ромой послушно следуем за ней.

— Папа правда умер? — едва слышно спрашивает Рома, стоит нам оказаться в комнате Фатимы.

Точнее — не в комнате, а в настоящих покоях султанши, не меньше. Помещение по квадратуре примерно, как двушка в брежневке, где живет моя мама.

Просторная комната, разделенная на зоны: кровать с балдахином, рядом столик с зеркалом, в другой части письменный стол и книжный шкаф. Напротив — две двери. Подозреваю, что одна ведет в гардеробную, а вторая — в ванную.

Ах да. В комнате Фатимы еще есть балкон, но французские двери на него наглухо закрыты, потому что за окном дует сильный ветер, заставляющий стекла трястись и звенеть.

— Мам?! — настойчиво завет сын, когда понимает, что я не спешу ему отвечать.

А я не знаю, что ответить. Какие слова подобрать и как донести новость о смерти Данияра так, чтобы не разбить сердце маленького человечка, который безумно любил его.

— Я думаю, что да, — голос превращается во всхлип, но я ловко сдерживаю новый поток слез.

Жду, что Ромка начнет плакать. Закричит, устроит истерику или вообще попытается выбежать из комнаты, чтобы найти Данияра, не веря в услышанное.

Но нет. Он молча пододвигается ко мне ближе и крепко обнимает, утыкаясь шмыгающим носом в плечо.

Не знаю, сколько проходит времени, пока мы так сидим, прижавшись друг к другу. В какой-то момент Рома начинает дремать, не справившись с усталостью. Аккуратно укладываю его на кровать, накрываю своим пальто и встаю.

Надо найти Фатиму. Узнать, поговорила ли она с братом, и попросить у нее воды и хотя бы печенье, потому что в последний раз ребенок ел в аэропорту Москвы, а с тех пор прошло прилично много времени.

— Мам, ты куда? — сквозь сон бормочет Рома, пытаюсь раскутаться, — Подожди меня. Я с тобой.

— Лежи, — растираю щеки, поправляю платье и иду к выходу, — Возьму тебе воды, какой-нибудь перекус и сразу вернусь.

Не звери же они. Думаю, не откажут покормить ребенка.

— Мам... А нам дадут попрощаться с папой? — осторожно произносит Рома, заставляя меня замереть прямо у двери.

Мне все равно на разрешение Керимовых, потому что я не собираюсь спрашивать его.

Меня волнует другое. Хочу ли я, чтобы Рома видел отца в таком виде?

Однозначно не хочу. Но и ограждать ребенка уже поздно.

— Не знаю, — говорю уклончиво и сразу выхожу, чтобы больше не отвечать на сложные вопросы.

Мне бы найти ту женщину. Айшат, кажется? Найти и попросить принести нам воды и еды, пока Фатима ведет переговоры с Арсланом.

Иду по темному коридору и вспоминаю в голове тот путь, который мы преодолели ранее, пока следовали за Айшат. Нужно свернуть направо или налево?

Долго не думаю и поворачиваю направо. Поворачиваю так резко, что не успеваю никак среагировать и со всей силы врезаюсь в крепкое мужское тело.

— Ай!

Больно врезаюсь, неприятно, а в нос тут же бьет горький мужской парфюм. Смесь хвои и дерева.

Мужчина оказывается проворнее меня. Хватает за плечи и отодвигает от себя, создавая между нами приличную дистанцию.

— Осторожнее.

Голос злой, рычащий. Другая бы испугалась и убежала обратно, я же чувствую внутри раздражение, но никак не страх.

— Может, это вам стоит смотреть по сторонам? — вырывается против воли.

Не лучшее время для стычек, но стресс плюс усталость, и меня не остановить. А еще этот мужлан смотрит на меня слишком нагло.

Будто я не живой человек, а его вещь, которая оказалась под ногами и доставляет неудобство.

— Где в этом доме кухня? — продолжаю нападать, пока незнакомец без стеснений разглядывает меня с ног до головы, — Будьте так добры попросить у них воду и какой-нибудь перекус для ребенка. Только без помидоров, зелени и майонеза.

Знаю, что выгляжу и разговариваю невоспитанно. Мама меня такому точно не учила. Однако в этом доме и среди

этих людей нельзя вести себя по-другому.

Мужчине можно смотреть на меня строго и оценивающе, а я что должна прятать свой взгляд в пол, как их женщины?

Глава 5

Татьяна

Роме приносят воду, горячий суп, какую-то выпечку и фрукты — и все это спустя пять минут после моего просьбы приказа тому здоровяку в коридоре.

— Держи, — Фатима протягивает ребенку планшет, — Скачай любую игру, какую хочешь, и обязательно все съешь.

— Мы с Фатимой уедем ненадолго, а за тобой присмотрит Айшат, — добавляю, помогая Роме снять ботинки, — Ничего не бойся и не скучай. Я скоро вернусь.

— А мне дадут увидеть папу? — маленькая ручка хватается за меня, прежде чем я хочу встать.

Прошло уже больше часа в этом доме, а я сама так и не смогла подойти к Данияру и попрощаться. Фатима договорилась, что я смогу поехать на кладбище и там «проводить ее брата в последний путь».

А посмотреть на Данияра и мне, и Роме запрещено — его тело плотно завернуто в белый саван, и Айна, моя несостоявшаяся свекровь, категорически против.

Что ж...

Наверное, в этом есть смысл. Что запомнили мы с сыном — живого, улыбающегося Данияра. Наши вечера и выходные вместе. Наши планы и нашу любовь.

А что запомнят они — тело, которое несколько суток про-

лежало в ущелье. Погибшего сына, который когда-то сбежал от их гнета ради себя и свободы. Который почти десять лет выбирал нас, а не их.

Мне больно и одиноко, но стоит посмотреть в расстроенные глаза Ромы, как я давя в себе любую истерику. Ему нужна сильная мама, а не жалеющая себя размазня.

— Не положено, Рома, — вмешивается Фатима, спасая меня, — Чтобы душа твоего отца упокоилась, его тело нельзя больше тревожить.

Не уверена, что так устроено у мусульман, но девушка врет складно, и Рома, на мое удивление, кивает, соглашаясь с ней.

— Кроме того, — продолжает она, пока я в стороне поправляю на голове черный платок, выданный мамой, — Твой папа здесь, рядом с тобой. Его душа больше не привязана к телу, она вместе с людьми, которые любят и помнят его.

Фатима говорит так мягко и успокаивающе, что даже я чувствую, как боль внутри меняется. Она никуда не уходит, все так же саднит, но больше не напоминает хаос.

На кладбище мы добираемся на машине Фатимы: я, она и еще какие-то две женщины в платках. Ни дома, ни на месте со мной никто не общается и даже не пытается познакомиться.

Перешептываются за спиной, а, когда я поворачиваю в их сторону голову, отводят глаза.

— Тебе лучше остаться здесь, — просит Фатима, когда мы оказываемся на месте.

Здесь — это минимум в десяти метрах от будущего захоронения. Основная толпа подходит вплотную к яме, а я...

Я у голого дерева. Вдали, в тени — так, чтобы «не мозолить» глаза родственникам. Особенно Айне и Арслану, которые до сих пор не показывались мне.

Наверное, считают, что я не достойна даже рядом стоять с ними, не то, что разговаривать и что-то конструктивно обсуждать.

Ну ничего. Пройдут похороны, и я попрошу Фатиму проводить нас с Ромой до остановки. Больше задерживаться здесь мы не собираемся.

А пока плотнее запахиваю пальто, поправляю платок на голове и впитываю каждую секунду похорон. Психика отключается, позволяя мне спокойно реагировать на все увиденное.

С одной стороны могилы стоят мужчины с лопатами, с другой — в основном женщины. Фатима, прижимающаяся, судя по всему, к Айне. Очень эффектная молодая девушка, которая чересчур часто переводит взгляд на меня, и мужлан, столкнувшийся со мной в коридоре.

Разум подсказывает мне, что мужланом может оказаться сам Арслан Керимов, но мои мысли почему-то концентрируются именно на девушке.

Наверное, потому, что она не прекращает сканировать ме-

ня. Ни во время прощания с Данияром, ни во время погребения. И даже, когда все заканчивается, она идет не со всеми в другую сторону к выходу, а делает крюк мимо меня, останавливается и громко цокает.

Арслан

— Я не понимаю, почему ты до сих пор не выгнал эту девку?! — врывается в мой кабинет Айна, прекрасно зная, что это строго запрещено.

Не заходить без стука и приглашения в кабинет. Не тревожить меня, когда я работаю в офисе или отдыхаю ночью в своей комнате, если только не случилась беда. Не спорить и не орать рядом со мной.

Ненавижу женские истерики и интриги, но сегодня давлю в себе вспышку гнева и делаю исключение для Аины.

Она только что похоронила единственного сына.

— Татьяна уедет, — отвечаю кратко, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать эту тему, — Если не сама, то Юрий лично отвезет ее до аэропорта. Ты довольна?

— Нет! — новый бешеный крик, который тут же отдаст ноющей болью в области лба и висков, — Я хочу, чтобы твоя охрана схватила ее за шкуру и немедленно выкинула за порог этого дома. Как ты мог впустить ее сюда?! Как ты мог позволить ей присутствовать на кладбище?! Бедная моя Лайла... — раздается всхлип, и рука на автомате протягивает женщине сухую салфетку, пока она не залила слезами все вокруг, — Девочка только познала свое женское счастье...

— Татьяна уедет, — повторяю, — Не переживай за это. Будь рядом с Лайлой, а я решу эту проблему.

Проблему.

Татьяна — это не просто проблема в нашем доме. Она хуже, чем красная тряпка для быка. Ей здесь не место. Одно ее присутствие переворачивает все с ног на голову и нарушает многолетний порядок.

Особенно в такой день.

— А мальчик? — вдруг произносит Айна, — Он же мой внук? Данияр делал тест ДНК?

— Да, Рома — твой внук, — киваю.

Не знаю, делал ли Данияр тест ДНК, но в своем отцовстве, как и в любви к этому пареньку, он никогда не сомневался.

Можно сколько угодно ненавидеть Татьяну, но Рома к нашей неприязни не имеет никакого отношения. Он — это другое.

Он — часть Керимовых, продолжение моего брата. И я до сих пор не понимаю, почему Данияр не дал ему свою фамилию. Это нужно немедленно исправить.

— Он должен остаться здесь. Пусть девка катится на все четыре стороны, а ребенок будет жить в этом доме, — шипит Айна, рассуждая о Роме, как о трофее, что мне не очень нравится, — Я его перевоспитаю. Выращу сама, а его мать...

Прикрываю глаза и напоминаю себе, что сегодня Айне дозволено все, а завтра мы серьезно поговорим.

— Я согласен с тобой, — говорю медленно, — Рома дол-

жен жить с нами. В доме своего деда и отца.

А еще рядом с теми возможностями и деньгами, которые я смогу ему дать.

— Имя ему тоже нужно будет изменить, — уже спокойнее реагирует Айна, включая деловой тон, — Рома — это вообще что такое? Моего внука будут звать Рамзан!

Пристально смотрю на женщину и понимаю, что ее воодушевление никак не связано с резко возникшей любовью к этому ребенку. Она вцепилась в Рому, только чтобы сделать больнее Татьяне.

Поэтому воспитанием парня будет заниматься Фатима, но никак не Айна.

— Прошу тебя не устраивать скандалы с Татьяной, пока рядом с ней Рома. Он напуган и потерян. Дай ребенку привыкнуть к нам. Мы все вместе поужинаем, а после я поговорю с этой женщиной. Завтра утром ее не будет в нашем доме.

— Хорошо, — с трудом соглашается она, — Сделаю, как ты скажешь, Арслан, но завтра чтобы эта русская уехала и забыла дорогу к нам!

Глава 6

— Арслан хочет, чтобы вы с Ромой поужинали с нами, — сообщает Фатима спустя час после возвращения с кладбища.

— Не думаю, что это хорошая идея, — качаю головой, параллельно застегиваю чемодан.

Последний автобус через полчаса. Если поторопимся, то уже утром сядем на самолет до Москвы. Дико хочется домой. В свою квартиру, к маме — туда, где я смогу выплакать всю боль в тишине и без косых взглядов местного населения.

— Арслану нельзя отказывать, — аккуратно говорит Фатима, которая, не желая того, оказалась меж двух огней: меня и своей семейки, — Он не поймет. Да и вам пора познакомиться ближе.

Сворачиваю кофту Ромы и на мгновение вспоминаю нашу «встречу» с Арсланом у лестницы. Позже, когда мы возвращались домой, я уточнила у Фатимы, кто из всех мужчин ее брат, и мои догадки подтвердились.

Тот здоровяк, который наехал на меня в коридоре, — Арслан Керимов. Встреча с братом Данияра прошла, что надо, но я не жалею ни о чем.

— Мы знакомы, — ошарашиваю девушку, складывая вещи сына в его рюкзак.

— Знакомы? — Фатима аж выпучивает глаза от удивления, — Арслан был у вас, когда приезжал в Москву к брату?

— Приезжал в Москву?

Не помню, чтобы Данияр рассказывал хоть об одном приезде брата. Но даже если и приезжал, то мне все равно.

Любимый всегда защищал нас от «странностей» своей семьи, и теперь я прекрасно вижу почему. Ладно я. Не любите и не общайтесь. Но Рома что вам сделал?

Он ведь единственный внук Айны и племянник этого мужлана, но за все время никто из них не подошел к нему.

— Арслан часто летает в Москву по делам, — объясняет Фатима, — И иногда во время своих командировок виделся с Данияром. Мои братья любили и уважали друг друга. Несмотря на расстояние, между нами и Данияром не было вражды.

Ага, верю...

— Я все равно не могу. Через полчаса отходит последний автобус, а завтра утром у нас рейс.

Вещи собраны. Рома сыт и выспался. Думаю, обратная дорога пройдет легче.

— Уедете на первом утреннем автобусе, а следующий вылет после обеда. Мы не задержим вас надолго.

— Маам, — присоединяется к своей тете Рома, который до этого увлеченно играл в стрелялки на планшете, — Давай останемся. Я не хочу опять ночью ехать на автобусе. Там темно и скучно.

Это еще что за номер?

— Правильно, Ромка, — поддакивает ему Фатима, — Но-

чью к тому же опасно ехать. Погода меняется каждый час. А если пойдет снег?

Снег в наших широтах — обычное явление, особенно в январе. А снег здесь — действительно катастрофа. Ощущение, что местные водители совершенно не готовы к нему.

— Хорошо, — обреченно соглашаюсь, потому что чувствую, что Фатима не отстанет, — Мы поужинаем и поговорим, а завтра рано утром уедем домой.

— Разве мужчины и женщины едят вместе? — шепотом спрашиваю Фатиму, пока мы спускаемся в гостиную, где всю накрывают ужин.

Данияр как-то рассказывал мне, что в его доме сначала кормят мужчин, а потом едят женщины, и делают они это в другом помещении. Звучит странно и немного дико для меня, но если кавказским женщинам так комфортно, то кто я такая, чтобы их осуждать.

— Когда Арслан стал главой семьи, он немного изменил порядок в доме. При нашем отце женщины и мужчины ели отдельно, но брат сказал, что семья должна ужинать вместе. Завтракать и обедать мы можем где и когда угодно, однако вечером обязаны собираться за одним столом.

— Интересно...

Прохожу вслед за Фатимой в просторную гостиную и занимаю предложенные нам места — естественно, в самом конце стола, как можно дальше от «господ». Хорошо, что

сестра Данияра садится рядом с Ромой, немного сбавляя напряжение в воздухе.

Через пару минут в комнату заходят женщины — Айна во главе процессии в длинном черном платье, но уже без платка, показывая всем свои маслянисто-черные волосы, собранные в высокую прическу. Следом за ней — та девушка, которая просверлила на моем теле пару дыр, пока глазела на кладбище. Тоже без платка, и волосы у нее заколоты сзади в прическу «мальвинка».

И еще какие-то две женщины в возрасте.

— Почему ты сидишь здесь? — раздается хриплый озлобленный голос Айны, когда та садится на свое место.

— Я решила сесть рядом с Ромой, — опустил глаза, начинает оправдываться Фатима, и мне в этот момент становится безумно жаль девушку.

Завтра я уеду, а она продолжит жить под гнетом своей семьи, пока те не выдадут ее удачно замуж. Странно, что Фатима до сих пор «на свободе», учитывая местные нравы.

— Мой внук должен пересесть на место своего отца, а ты — рядом со мной.

«Вспомнила о внуке, старая стерва», — проносится у меня в голове.

Айна ведь даже на секунду не поворачивает голову в сторону нас с сыном, но при этом смеет командовать. Хоть бы улыбнулась ребенку, представилась и объяснила, что она — его бабушка по папе.

О вежливости здесь не слышали.

— Рома останется здесь, — подаю голос, потому что не намерена лицезреть этот цирк.

И в следующую секунду в гостиной повисает гробовая тишина. Вместе с Фатимой глаза к полу опускают остальные женщины, но только не та девушка. Она тоже замирает, но продолжает смотреть то на Айну, то на меня.

Наконец, «свекровушка» вспоминает про мое существование.

— Что ты сказала?

В конце не хватает слова «дрянь». Я прямо чувствую, как Айна жаждала использовать именно этот эпитет в мою сторону, но вовремя вспомнила, что в помещении есть дети.

— Рома будет сидеть рядом со мной, — повторяю все тем же спокойным и уверенным голосом.

Я не намерена скандалить и устраивать шоу из своего присутствия. Не рады меня видеть, уйду прямо сейчас. Благо на автобус мы еще успеваем.

Глава 7

— Оставьте ребенка. Пусть сидит там, где хочет, — проносится по гостиной строгий мужской голос, и в следующую секунду за столом наступает приятная тишина.

Стоит Арслану Керимову занять свое место во главе, как пыл Айны угасает. Я даже отсюда вижу, с каким трудом она заставляет себя заткнуться и не продолжать перепалку со мной.

Странно, что женщина так беспрекословно слушается Арслана, ведь он не ее родной сын. Айна Керимова — вторая жена Ахмета, а первая умерла, когда Данияр только родился.

Видимо, она заменила старшему сыну мать, поэтому между ними такие отношения.

— Татьяна, Рома, — продолжает Арслан, и я замечаю, что еще никто не притронулся к еде. Терпеливо ждут, пока «хозяин» начнет есть, — Несмотря на горе в нашей семье, мы рады видеть вас сегодня за этим столом.

Да что ты?!

Я даже от удивления резко поворачиваю голову в сторону мужчины и смотрю ему прямо в глаза, пока остальные продолжают изучать или свои руки, или пустую тарелку, не решаясь поднять взгляд.

— Мы не будем злоупотреблять вашим гостеприимством, — стараюсь говорить вежливо, но ирония так и льется из

меня, особенно на последнем слове.

— Не торопитесь уезжать. Поужинайте и отдыхайте. Как скажете, падишах. Или как правильно?

Радует одно — с приходом старшего Керимова обстановка в гостиной становится вполне дружелюбной. Айна обсуждает с пасынком предстоящий огородный сезон. Оказывается, она содержит фруктовый сад, где выращивает разные цитрусовые.

Фатима делится успехами своих подопечных — она работает учителем младших классов с нейроразличными детьми, и это здорово. Даже непривычно, что кавказская девушка из консервативной семьи так живо рассказывает про карьеру и свои планы когда-нибудь открыть детский центр для малышей с СДВГ и РАС.

Но еще более непривычно, когда Арслан кивает Фатиме и поддерживает ее планы.

— А вы, Татьяна? — вдруг обращается ко мне та самая девушка, которая все это время молча ковырялась в тарелке.

Она явно недовольна, что Керимов оборвал наш с Айной конфликт. Наверное, ждала, что свекровь меня отчитает и эффектно поставит на место.

— Я? — непонимающе смотрю на нее, замирая с вилок в воздухе.

— Правда, что вы работаете массажисткой и обслуживаете мужчин?

Вопрос, который заставляет всех забыть про ужин и

недавнюю милую беседу. Женщины старше вновь опускают глаза. Айна еле сдерживается, чтобы не заорать от услышанного. Фатима в шоке, Арслан с недовольным видом кидает вилку на тарелку, теряя аппетит вместе со всеми.

— Как вас зовут? — с улыбкой спрашиваю девушку.

— Лайла Керимова, — с не менее ослепительной улыбкой представляется она.

Такая красивая, а такая мразь.

— Дочка, — пораженно обращается к ней Айна, — Это правда?

— Я нашла эту информацию через социальные сети Татьяны, — с довольным видом объясняет ей Лайла, — Перешла на страницу салона и чуть со стула не упала, когда увидела фотографии, где она разминает голых мужчин.

Лучше бы она все-таки упала со стула и ударилась головой. Может, мозги бы встали на место.

А фотографии там такие есть. Только вот разминаю я на них еще и женщин.

— Ты что обслуживаешь мужчин?! — аж взвизгивает Айна, — Ты...

— Айна, — тихо рычит на нее Арслан, как и я, замечая состояние Ромки в этот момент.

Ребенок весь сжался и прирос к стулу, потому что не привык к такому поведению взрослых людей, особенно дома и за столом.

— С Данияром вы тоже познакомились так...

— Как?

— Делая ему массаж, — с явным намеком заканчивает Лайла.

— Ай, Аллах... — параллельно вырывается у одной из женщин, — Какой позор на наши головы. Кто впустил эту... в дом?

— Если бы вы не шарились в интернете в поисках компромата на меня, а спросили прямо, — смотрю на Лайлу, игнорируя вздохи остальных, — Я бы вам ответила, что с утра до обеда работаю детским массажистом в обычной государственной поликлинике, а после обеда подрабатываю в массажном салоне. Среди моих клиентов действительно есть мужчины, которые страдают от болей в шее или спине, а также спортсмены на реабилитации после сезона. Но чаще всего ко мне приходят женщины. На лимфодренажный или антицеллюлитный массажи. А с Данияром мы познакомились много лет назад в детской городской больнице, где он проходил практику, работая педиатром.

— Это не имеет значения, — пытается возразить стерва, — Ты все равно трогаешь голых мужчин...

— Закрыли тему, — предупреждающе говорит ей Арслан, — Карьеру и образование друг друга обсудите после ужина.

Я знаю, что на Кавказе не принято вставать из-за стола раньше старших или главы семьи. Но мне кусок в горле не лезет. Да и Рома тоже не горит желанием продолжать семейный ужин.

Я встаю, и он следом встает, вызывая еще больший шок у присутствующих.

— Арслан, благодарю вас за ужин, — обращаюсь только к нему, игнорируя остальное змеиное гнездо, — Но мы пойдем к себе. Сегодня не тот день, чтобы ссориться и выяснять отношения. Думаю, вы меня поймете.

И Керимов на удивление молча кивает, соглашаясь со мной.

Глава 8

— Танюш, ну как вы? — расстроенный голос мамы сильнее всего бьет по моим оголенным нервам.

Хочется, как в детстве: горько заплакать и пожаловаться ей на всех своих обидчиков. Начать с Айны и закончить Арсланом. Рассказать, как ужасно прошел этот день и как мне не дали нормально попрощаться с Данияром.

Но стоит посмотреть на не менее расстроенного Ромку, который еще от этого клоунского ужина отойти не может, как я успокаиваюсь и отвечаю так, чтобы голос звучал ровно.

— Все хорошо. Нас встретили, выделили комнату и даже пригласили на семейный ужин.

И ведь почти не вру.

Как и сыну, маме тоже нельзя сейчас нервничать. Если расскажу как есть, она завтра же будет на пороге дома Керимовых разносить все тут в пух и прах.

Надежда Петровна уважает любые религии и национальности, но, как человек советской закалки, не потерпит несправедливость.

— Даже так? — с сомнением реагирует она, — А Рому как приняли? Никто не обижал нашего ребенка?

— Не переживай. Рому приняли хорошо. Никто его тут не обижает.

И это правда. Меня злые ведьмы ненавидят и даже не

скрывают свои чувства, но на сына смотрят спокойно, иначе я бы вежливым общением не ограничивалась.

— Что-то ты темнишь, Татьяна. Не может быть все так хорошо, — раздается вздох в трубку, — Сердце у меня не на месте. Чую, что эта поездка не закончится ничем хорошим...

— Ну, мааам! — перебиваю, потому что ее беспокойство начинает передаваться и мне, — Не накручивай и себя, и меня. Все хорошо. Завтра мы вылетаем обратно в Москву. Вернемся домой и забудем все, как страшный сон.

Не уверена, что смогу когда-нибудь забыть все, но маме лучше слышать уверенность в моем голосе.

— Береги себя, дочка, — выдает она практически шепотом.

— Увидимся, мам, — завершаю вызов и понимаю, что теперь и мое сердце не на месте.

Оно ноет от боли, от холода и одиночества, но за горем утраты начинает проскальзывать еще что-то — темное и страшное. Как будто это не конец, а только начало.

— Арслан Ахметович ждет вас, — раздается из дверей сухой, но вежливый голос Айшат, главной помощницы по хозяйству в доме Керимовых.

Наконец, султан соизволил пригласить меня на аудиенцию.

— Иду, — откладываю книгу, которую читала Роме, и поправляю одеяло, плотнее закутывая сына.

Здесь хоть и нет такого обилия снега, как у нас, но климат другой, еще более суровый. Из-за этого вполне теплые плюс пять ощущаются, как минус тридцать. Не меньше.

Похороны прошли, ужин завершился, формальности соблюдены. Я сделала все возможное, чтобы попрощаться с Данияром, и завтра утром на первом же автобусе мы с Ромой уедем отсюда.

Ему здесь не место, как и мне, потому что эти люди...

Варвары!

Некрасиво так говорить, но другого определения у меня нет.

Грубые, невоспитанные, жестокие — теперь я прекрасно понимаю, почему Данияр не знакомил меня с семьей. Раньше я обижалась, а теперь верю — он действительно защищал нас с сыном от этого невежества.

И все разговоры, что его семья слишком радикальная, слишком консервативная больше не кажутся бредом.

Керимовы и правда такие. Взять хотя бы слова Лайлы про то, что я обслуживаю мужиков, делая им массаж!

Нет, конечно, есть салоны, специализирующиеся на массаже с «продолжением», но как можно было мое место работы назвать борделем?

Все массажисты в коллективе — люди со средним или высшим медицинским образованием. Серьезные и с большим опытом за плечами. Слышали бы они слова этой девицы, под столом бы от смеха валялись.

Керимовы застряли в позапрошлом веке, а нам с Ромой пора возвращаться в наш спокойный, привычный мир.

Однако ссориться с Арсланом я не намерена. Нам действительно нужно поговорить, обсудить будущее Ромы и их возможные встречи.

Я не зверь. Если Айна, Фатима и Керимов-старший захотят иногда видеть ребенка, я не буду препятствовать их общению. Не здесь, конечно. В Москве или на нейтральной территории — пожалуйста.

— Прошу, — Айшат показывает на массивную деревянную дверь, подталкивая меня вперед, — Не беспокойтесь, Татьяна, — зачем-то добавляет она напоследок, — Я присмотрю за мальчиком. Мы будем его любить и оберегать, как любили Данияра. Он ни в чем не будет нуждаться.

О чем она?

Поворачиваю голову в сторону женщины, но спросить не успеваю. Дверь за мной закрывается, наглухо отделяя от коридора.

Как же я устала от их странностей. Наверное, ночь спать не буду, лишь бы не пропустить первый автобус.

— Садитесь, Татьяна. Нам пора поговорить.

Резко разворачиваюсь и не сразу понимаю, откуда идет звук. В кабинете горит только один торшер в углу рядом со мной. Остальное помещение во мраке, и это темнота создает пугающую картинку.

Но вот глаза привыкают, и я вижу Арслана Керимова пе-

ред собой. Мужчина, как всегда грозный и внушительный, сидит за столом в большом кожаном кресле и в ожидании смотрит на меня.

— Пора, — отвечаю спустя пару секунд и сажусь на стул, на который указал Арслан, — Я не буду больше мозолить вам глаза, — начинаю разговор первая, — Очевидно, что вы не рады мне, а я, честно признаюсь, не рада нашему вынужденному родству. Завтра вечером у нас с Ромой самолет из Минеральных вод. Утром мы уедем на первом автобусе и...

— Не уедете.

— Что? — переспрашиваю, не понимая, о чем он.

Уедем. Еще как уедем. Если бы не отсутствие всякого транспорта в это время суток, я бы прямо сейчас разбудила сына и уехала отсюда.

— Рома останется здесь, — заявляет Арслан, даже не пытаясь скрыть свое раздражение ко мне, — Рядом со своей семьей и с теми возможностями, которые мы сможем ему дать.

С чем-чем?..

Услышанное становится последней каплей, мгновенно вызывая во мне ярость. То есть семь лет они не хотели ничего знать о ребенке, а тут вдруг вспомнили о нем?

— С какими такими возможностями?! — вскакиваю со стула и буквально нависаю над мужчиной, — Какие возможности вы сможете ему дать? Вы вообще откуда такое слово знаете? — нервно усмехаюсь, — Где вы и возможности?!

Здесь не принято перечить, особенно если перед тобой

глава семьи, кем является Арслан. Но я — это я.

Я выросла в другом мире и никогда в жизни не буду ни перед кем склонять голову. Особенно когда кто-то пытается указывать мне, матери, с кем останется мой ребенок.

— Успокойся! — опасно рычит Арслан, сверкая своими холодными черными глазами, — И сядь на место.

— А то что?

Смотрю на него с вызовом. Без страха и желания склонить голову, как делают остальные женщины в доме. Ощущая при этом, насколько густой и наэлектризованный воздух между нами.

— А то, — шумно выдыхает он, — Я собственноручно выставлю тебя за дверь и не дам нормально попрощаться с сыном.

— Пошел ты к черту, Арслан Керимов! — теперь моя очередь рычать.

Глава 9

— Ты нарываешься, — зловеще тихо произносит Керимов, вставая со своего места и с грохотом роняя массивный стул позади себя, — Вместо того чтобы выслушать меня и поступить разумно, ты устраиваешь глупую истерику.

Как же он ошибается. Истерику я еще даже не начинала.

— Ну хорошо, — скрещиваю руки на груди и не прекращаю смотреть на него с вызовом, — Просвети меня, в чем гениальность твоей идеи?

Как-то незаметно в нашем общении пропала всякая вежливость. Но она здесь теперь неуместна, как и мое недавнее желание конструктивно поговорить с Арсланом.

Никакого конструктива не будет.

— Ты не сможешь одна вырастить мальчика, — начинает этот дикарь, — Не сможешь быть строгой и справедливой, когда это нужно. Не сможешь заложить в нем стержень, какой заложил бы отец. Данияра больше нет, и он бы хотел, чтобы я позаботился о Роме.

— Так заботься! Навещай его в Москве, звони, дари подарки по праздникам. Проводи с ним время, если так переживаешь за племянника, — продолжаю наезжать на него, — Я бы не стала препятствовать вашему общению, как не делала это все семь лет. Но это вы, — перехожу еще одну опасную черту, тыкая в грудь Арслана, — Сделали вид, что Рома

для вас не существует. Вы сидели в своих горах и игнорировали наличие ребенка. А теперь что? Можно вот так просто отнять у меня сына?

— Так хотел Данияр...

— Чушь! — на мой крик точно скоро сбегутся все в округе, но я даже не думаю понижать тон, — Данияр меня предупредил о вас, говорил, что ваши порядки дикие, — качаю головой, — Я ни за что не отдам вам Рому.

И в кабинете резко наступает тишина. Плотная, давящая — она не сулит ничего хорошего. По глазам Керимова отлично читается, что он уже все решил и не отступит.

— Я не спрашиваю у тебя разрешение, — говорит он, — Я предлагаю тебе мирно отпустить ребенка. Подготовить его и сделать ваш разрыв более комфортным. Я не чудовище и не хочу видеть слезы мальчика. Ты сможешь приезжать сюда, когда захочешь. На выходные или школьные каникулы.

Бред сумасшедшего продолжается и, похоже, не собирается останавливаться.

— Рома не сможет жить с вами. Он просто не захочет. Кроме того, я — его законный представитель. У сына моя фамилия, и к вам он не имеет никакого отношения.

— В свидетельстве о рождении ребенка в графе «Отец» указан мой брат, а все остальное решается, — парирует мне Арслан, и в карих, почти черных глазах, я замечаю огоньки усмешки, — Не думай, что полиция тебе поможет. Местным достаточно услышать мою фамилию, а федералы сюда не ле-

зут.

Мне страшно. Дико страшно все это слушать, потому что раньше подобное я встречала только в сериалах. Страшно не за себя, а за Ромку, который мирно спит на втором этаже и даже не подозревает, какая буря разгорается здесь, на первом.

У меня только сын, а у Керимовых полный дом охраны, влияние в этом регионе и куча связей. Если Арслан прямо сейчас выкинет меня за порог, как обещал, то я ничего не смогу с этим сделать.

И про полицию он не врет. Только это не значит, что я сдамся под его напором.

— Он не захочет жить с вами, — мотаю головой, повторяясь, — Он не знает вас и боится.

— Я сделаю все, чтобы Рома привык к этому дому, — заверяет он, начиная будто убеждать меня, забывая про недавние угрозы, — Я понимаю, что твое материнское сердце волнуется за судьбу сына, но если ты поступишь разумно, то...

— Как ты себе это представляешь? — резко перебиваю его, — Утром мы проснемся, и я радостно сообщу Роме, что уезжаю в Москву, а он теперь будет жить с вами?

Вместо ответа — кивок, возвращающий волну возмущения.

Керимов больше не метает молнии из глаз. Теперь он смотрит на меня, как на глупого несмышленного ребенка, который отчаянно пытается доказать свою правоту, но все бес-

полезно.

— Или так, или утром он проснется, и его мамы не будет рядом.

— Ты хотя бы представляешь, какую травму нанесешь ему этим? Он еще вчера ложился спать с мыслью, что проснется и вместе с папой будет открывать подарки от Деда Мороза, — перехожу к последнему аргументу и начинаю давить на жалость, — Но вместо подарков Рому ждала дорога и новое чужое место, а следом новость, что его обожаемый папа умер. А дальше что? Сначала он потерял отца, а на следующий день маму?

Кажется, мой тон и слова попадают точно в цель — прямо в черствое сердце Арслана, потому что вместо очередного самоуверенного ответа он возвращается, поднимает стул. Садится и упирается лицом в ладони.

Долго так сидит, а еще молчит, усиливая в несколько раз напряжение между нами. Нет смысла продолжать этот спор. Надо тихо уйти, подняться к сыну, собраться и сбежать, пока Керимов устраивает мыслительный бой в своей голове.

Делаю один осторожный шаг назад, потом второй. Спирной дохожу до двери и, к сожалению, привлекаю внимание Арслана.

Мужчина отмирает, поднимает на меня бесконечно уставшие глаза и произносит:

— Не думай, Татьяна, что я купился на твои слова. Меня очень сложно разжалобить. У тебя есть сутки, чтобы приду-

мать легенду для Ромы, почему ты должна уехать и оставить его. Иначе именно ты будешь виновата во всем, что переживет этот ребенок в случае вашего неожиданного расставания.

Глава 10

— Рома, — влетаю в комнату и начинаю активно будить сына, — Ромочка, — аккуратно трясую его за плечо, — Вставай, дорогой.

Тело меня не слушается. Каждый сантиметр кожи покрыт противными мурашками, а мышцы с трудом справляются с дрожью. Стоило покинуть кабинет Арслана, как вся бравада куда-то делась, уступая место дикой панике.

— Мааам, — ворчит ребенок, отмахиваясь от моих рук, — Я сплю...

— Ромааа, — против воли повышаю голос, — Вставай! Мы уезжаем прямо сейчас.

Найду попутку или пойду пешком. Плевать! Если не уйду прямо сейчас, утром точно не смогу это сделать.

— Татьяна! — врывается в комнату Фатима, пока я безуспешно пытаюсь поднять сына. Как назло, именно сейчас он решил не слушаться меня, вынуждая переходить на крик.

— Мы уезжаем, — шиплю на нее, соскакивая с кровати к шкафу, где висит наша верхняя одежда, — Рома, вставай! — со всей строгостью повторяю сыну, и, к счастью, тот поднимается.

— Ромка, ложись... — закрывает его одеялом Фатима, пока я ношусь по комнате, складывая наши вещи в одну кучу у двери.

Отрываюсь от своего занятия, подхожу к кровати и срываю к чертовой матери это одеяло, откидывая его на пол. Рома испуганно вскакивает на ноги, потому что никогда не видел мать в таком состоянии, а Фатима, к ее счастью, молча отходит в сторону.

Внутри меня тут же просыпается совесть, ведь эта девушка столько сделала для нас. Как минимум она была добра и помогала с Ромой. Но совесть просыпается только на секунду, потому что в следующее мгновение я считываю с лица Фатимы не растерянность, а сочувствие.

— Ты все знала?!

— Я просила тебя не приезжать! — теперь очередь Фатимы шипеть на меня, — Я предупреждала, что ничем хорошим ваш приезд не закончится!

— Рома, собирайся, — на секунду отвлекаюсь на сына, — Надевай всю одежду, обувь и куртку. Мы уезжаем.

— Но...

— Собирайся, — умоляюще прошу его, перебивая возражения, и он слышит меня, молча кивая.

Вещи собраны, я собрана. Не буду забирать чемодан — с ним мы далеко не уйдем. Достаточно документов и денег, а вещи купим в Москве, когда вернемся туда живыми и здоровыми.

— Татьяна! — хватает меня за руку Фатима, — Куда ты собралась ночью с ребенком? Там холодно, и через час обещают снег с дождем. Одумайся, пожалуйста...

— Это ты одумайся! — вновь перехожу на крик, но тут же сбавляю громкость, чтобы никто не прибежал на помощь Фатиме, — Это вы хотите забрать у меня ребенка. Просто так! Потому что вам захотелось!

— Я не хочу, — чуть ли не плачет она, вцепившись с меня обеими руками, — Это не моя идея. И мама с братом бы вас отпустили, если бы не Да...

Рома готов и жметесь у двери. Я уже в обуви, осталось накинуть пальто, и можно выходить.

— Фатима! — толкаю девушку, чтобы освободиться от ее захвата, — Мне все равно, кто что хочет или нет. Я вам Рому не оставлю.

К сожалению, наш диалог доходит до сына, и в следующее мгновение в его голове взрывается осознание происходящего.

— Я не останусь здесь, — еле слышно двигает губами Ромка, бледнея на наших глазах, — Не останусь...

— Не останешься, конечно, — начинаю успокаивать его, присаживаясь перед ним на колени, — Поэтому мне нужна твоя помощь. Мы сейчас тихо и аккуратно выйдем из дома и пойдем до трассы ловить автобус. Хорошо?

Идиотский план. Безумный и максимально непродуманный. Ну куда я сейчас попрусь с ребенком? Не зная местности и расстояний.

А если на трассе не будет машин? А если ради нас никто не остановится? В любой другой ситуации я бы покрутила у

виска и никуда не пошла, да еще и с ребенком.

Но у нас нет выбора, поэтому в одну руку я беру детскую ладошку сына, а в другую — свою сумку со всеми важными вещами. Чемодан останется у Керимовых — пусть хоть выкинуть, хоть сожгут его.

— Татьяна, подожди, — бросается ко мне Фатима в коридоре, — Вот, держи.

В моих руках оказывается ключ от машины.

— Что...

— Умеешь водить?

— Да, — энергично киваю, чувствуя облегчение.

Рано радоваться, но с машиной у меня больше шансов сбежать из этого ада.

— Я не враг тебе, Татьяна, — тараторит Фатима, — Я больше всего хочу, чтобы вы с Ромой вернулись к себе домой, поэтому сейчас...

И сестра Данияра за минуту успевает рассказать мне целую инструкцию, как незаметно покинуть их дом.

Хватаю сына и веду его не к центральному входу, а запасному через кухню. Работники давно спят, поэтому на нашем пути ни души.

Пока мы пробираемся к выходу, где нас ждет припаркованный кроссовер Фатимы, сама девушка возвращается в кабинет Арслана, чтобы отвлечь его, давая нам фору на побег.

На улице удивительно тихо, будто с последней молитвой вся деревня погрузилась в сон. А еще темно, что странно.

Точно помню, что по всей территории стояли фонари, и мы даже натываемся на один из них, пока идем к боковой калитке ворот.

— Сюда, мам! — с энтузиазмом шепчет Ромка, показывая мне пальцем на скрытую дверь в заборе.

Кажется, он воспринимает наш побег, как игру, но так даже лучше. Хуже, если бы ребенок бился в истерике и замедлял нас.

— Идем, — шепчу ему в ответ, выдавливая улыбку, — Вот так, — открываю дверь и помогаю Ромке перепрыгнуть через высокий порог.

Выхожу следом и даже не оборачиваюсь, чтобы прямо сейчас начать забывать это место. Права была мама — куда я вообще поперлась! Еще и с ребенком.

Но сожалеть буду в Москве, а пока мы находим машину Фатимы и радуемся, что девушка заранее сняла ее с сигнализации, чтобы звук не привлек внимание охраны. Удачно еще то, что кроссовер стоит не у центрального входа, а в крошечной темноте за деревом.

Завожу машину, включаю дворники, чтобы немного убрать иней с лобового стекла, и не замечаю, как воздух вокруг нас постепенно становится гуще и зловещее. Словно тьма подступает со всех сторон.

— Мама! — оглушает меня детский... нет, не крик. Самый настоящий вопль, но среагировать я не успеваю, потому что кто-то резко открывает дверь с моей стороны и вытаски-

вает меня на улицу.

Все происходит слишком быстро. Вокруг куча мужчин в форме охраны. Один держит извивающегося Рому, а второй крепко вцепился в ворот моего пальто, пока его напарник залапывает мне руки.

— Ребенка осторожно несите домой, — раздается строгий приказ Керимова-старшего, и отчаянный плач сына начинает постепенно отдаляться от меня.

— Р-О-М-А! — кричу что есть силы, параллельно пинаюсь ногами в разные стороны, лишь бы вырваться, но эти амбалы в сто крат сильнее меня, — Отпусти!

— Аккуратнее с ней! — второй приказ, и мне даже прекращают скручивать руки, — В машину ее и до города, — распоряжается этот дикарь, вызывая во мне нечеловеческую ярость.

Вот он подходит ближе, чтобы сказать что-то едкое, но не успевает, потому что в следующую секунду я делаю то, что никогда не делала — смачно плюю ему в лицо.

— Если ты думаешь, что можешь забрать у меня сына, то ты ошибаешься, — ору, не щадя горло, — Рома ни за что с вами не останется, а я ни за что на свете не уеду без сына.

Арслан кому-то кивает, и охрана меня отпускает.

— Я говорил тебе, Татьяна...

— Пошел к черту! — повторяю то, что сказала ему полчаса назад в кабинете, — Слышишь?! Пошел ты к черту! — хватаю его за полы куртки и начинаю трясти, заливая свое

лицо слезами.

Охрана расступается, Керимов молча ждет, когда я закончу эти бесполезные конвульсии. И я действительно заканчиваю.

Громко шмыгаю, вытираю лицо рукавом, чтобы убрать пелену с глаз, и вновь подрываюсь от ярости. Хочу ударить этого дикаря в его самодовольное лицо, но вместо пощечины прохожусь когтями по наглой роже.

Надеюсь, у него навсегда останутся шрамы в этом месте, чтобы никогда не забывал меня.

— Закончила?

— Приведи мне сына...

Новый кивок охране, и мои руки вновь оказываются в тисках, но уже более... бережных.

— Верни мне сына! — ору и плачу одновременно, когда Керимов разворачивается и идет в сторону ворот, — Верни...

Громкий хлопок, стальные ворота закрываются, отделяя меня и Рому. Он там — в логове этих преступников, а я...

Истерика все-таки настигает меня. Охрана куда-то исчезает, а я падаю прямо на асфальт, громко рыдая на всю округу.

Как и говорила Фатима, вскоре начинается снег с дождем, покрывая все вокруг ледяной коркой.

Глава 11

Арслан

Никогда в жизни не чувствовал себя таким... дерьмом. Никогда в жизни не ставил свои решения под сомнение.

Она провела в моем доме меньше суток, а вся моя привычная жизнь уже летит в пропасть.

— Там? — хмуро спрашиваю охранника, сам не решаясь посмотреть в монитор, подключенный к камерам видеонаблюдения.

— Да, — кивает Тахир, старший на смене сегодня, — Села на камень у забора и не уходит. Мы предлагали ей поехать в город, но она отказалась. Конечно, если вы разрешите применить силу...

— Никакой силы, — грубо обрываю его.

Достаточно на сегодня силы и оглушающих женских криков.

— Тогда что прикажете с ней делать? Надо бы убрать, а то люди в деревне уже судачат из-за приезда этой русской...

Взмахом руки останавливаю поток непрошенных советов и ухожу. Я знаю, что нас обсуждают. Кто-то сочувствует, а кто-то злорадствует. Третьи осуждают, потому что неправильно это все.

С самого начала я говорил Данияру, что отношения с Татьяной не приведут ни к чему хорошему. Но он не послушал

меня, а вскоре появился Ромка. Удивительно, что мой легко загорающийся и также легко потухающий младший брат полюбил этого ребенка и прожил с его матерью столько лет вместе.

Однако верности, как и любви, в этих отношениях не было. Странно, что Татьяна это не чувствовала.

— Ну сколько можно?! — раздается недовольный голос Айны, и уже через секунду мы сталкиваемся с ней в коридоре на втором этаже, — Не понимаю, как мой сын мог воспитать такую неженку?

— Плачет? — спрашиваю и чувствую, как внутри меня все сжимается в ожидании ответа.

Рома не неженка. Просто мальчик рос в другом мире, но, к счастью, ему всего семь, поэтому адаптация должна пройти легче и быстрее.

Привыкнет. Все мы тут привыкали к чему-то.

— Уже нет. Фатима дала ему какие-то капли, чтобы он успокоился и уснул, — ворчит она, взмахивая от досады руками, — Он совсем не похож на нас, Арслан. Вроде волосы, глаза, черты лица от Данияра, но смотрю на него и вижу эту русскую... — а дальше следуют ругательства, в которые я не хочу вслушиваться.

Конечно, мы будем видеть в нем Татьяну, потому что он — ее сын. И она не сдастся.

Даже если я сейчас отдам приказ насильно отправить женщину в Москву, она вернется и продолжит сидеть на камне

у ворот.

— Иди к себе в комнату.

— Поговори с этим ребенком и убеди его прекратить, — еще один непрошенный совет за это утро, — Был бы жив ваш отец, он бы не стал так церемониться с внуком. Быстро бы привел его в чувство.

Знаю. Методы воспитания отца нельзя назвать строгими. Они были жестокими и часто несправедливыми по отношению к нам, его детям.

Ахмет Керимов учил ремнем и угрозами, которые легко воплощал в реальности. Трудно сосчитать, сколько раз я один полол поле картошки или читал молитву от заката до рассвета в наказание. Отец думал, что таким образом сделает нас мужчинами, и он не ошибся.

Только цена этого взросления слишком велика, и Рома будет расти в других условиях. Где сила — это образование, хорошая школа и университет, а не страх.

Но сначала нужно приложить усилия, чтобы ребенок привык к нам, и можно сколько угодно отрицать очевидное, но привыкнет он только рядом со своей матерью.

Проблема, решение которой просто не существует.

— Как он? — захожу в комнату Фатимы и ожидаемо стесниваюсь с ее суровым взглядом.

Сестра хотела помочь Татьяне сбежать, и я ее не виню. В ней сыграла женская солидарность и любовь к детям.

— Спит.

— Когда проснется, поговори с ним, — устало потираю переносицу, чтобы немного согнать головную боль, — Постарайся убедить, что мы не разлучали его с мамой. С ней он сможет встретиться на днях.

Конечно, не здесь. В Минеральных водах или Москве — я даже предложу Татьяне озвучить ее условия встречи с сыном.

— Ты себя слышишь, брат?

— Не начинай, Фатима...

— Татьяна не успокоится, — если можно орать шепотом, то сестра примерно этим сейчас и занимается, не забывая, как ее мать, размахивать руками перед моим лицом, — Она наш дом превратит в руины, но сына заберет. Это лишь вопрос времени. Не равняй ее с нашими женщинами. Она не такая.

— Я... — вовремя замолкаю, потому что Рома сначала морщится во сне, а в следующую секунду открывает глаза и смотрит прямо на меня.

Видимо, действие успокоительного прошло, и разум ребенка больше не затуманен. Не понимаю, почему Айна жаловалась на характер Ромы. Он точно не неженка, иначе бы заплакал при виде меня.

Вместо этого в глазах мальчика я вижу ненависть вперемежку с яростью. И этот пылающий огонь напоминает мне совсем не Данияра. Характер у пацана точно мамин.

— Верните мою маму, — не нытье, а приказ.

Да, детским несформированным голосом, но и в нем отлично прослеживаются стальные нотки.

Айна права. Смотришь на мальчика и видишь Татьяну.

Татьяна

Я не знаю, сколько так сижу. Кажется, всю ночь, потому что сознание ко мне возвращается только с рассветом.

Открываю слипшиеся от слез глаза и морщусь из-за яркого солнца. Удивительно, но здесь оно не просто светит, но еще и согревает своими лучами, несмотря на начало января.

Ночью я позволила себе слабость — нашла какой-то ватун прямо у центрального входа и села на него, рыдая, пока слезы не закончатся. Ревела из-за гибели Данияра и моих несбывшихся мечт. Ревела из-за себя, потому что вряд ли смогу когда-нибудь так полюбить.

Ревела из-за Ромки, но не потому, что ему предстоит жить с этими жестокими людьми. Сына я в любом случае достану из логова Керимовых, но перед этим, тяжело представить, через какой ад он пройдет.

А мама?

Через пару часов она точно позвонит, чтобы проверить нас, а я пока слабо представляю, что ей говорить. Придется врать, потому что других вариантов у меня все равно нет.

— Держите...

А еще надо позвонить в полицию. Керимов сколько угодно может хвастаться своими связями, но законы никто не отменял. Они обязаны принять у меня заявление и проверить

документы, где черным по белому написано, что Рома — мой сын, и к Керимовым юридически не имеет никакого отношения.

— Татьяна? — повторяет мужской голос, наконец, добиваясь моего внимания.

Кажется, я настолько сильно погрузилась в свои мысли, что не заметила мужчину, нависающего надо мной.

Русского мужчину...

— Да? — вскакиваю, испытывая мимолетную радость при виде светловолосого и голубоглазого парня.

— Возьмите, — он протягивает мне пластиковый стаканчик с чем-то горячим и дымящимся, — Чай с сахаром, чтобы согреться.

Не пью с сахаром, но глюкоза моему организму сейчас не помешает.

— Спасибо...

— Юрий, — подсказывает мужчина, видя мое замешательство.

— Спасибо, Юрий, — повторяю уже не так воодушевленно, когда замечаю на нем форму охраны Керимова.

Черные штаны, такие же водолазка и куртка, а также кожаные берцы на ногах.

— Неужели, падишах пожалел меня и приказал выделить стакан чая?

Даже пить расхотелось, но хотя бы погрею онемевшие пальцы об горячий пластик.

— С Арсланом можно договориться, — вдруг откровенно произносит этот Юрий, — Он не такой, как Данияр. Он не станет забирать у тебя сына, просто сейчас его мучает совесть перед братом.

— Не сравнивай Данияра с ним, — реагирую стальным голосом, — Данияр никогда бы в жизни не додумался до такого.

— Он хуже, Тань...

То ли смешок, то ли горькая усмешка.

— Держи, — возвращаю чай и сажусь обратно на ледяной камень, — Передай своему хозяину, что я никуда не уйду. Пусть ждет у своих ворот полицию и СМИ...

— Подожди, — перебивает меня Юрий, когда рация в нагрудном кармане куртки вдруг резко оживает. Парень что-то односложно обсуждает с голосом в динамике, но уже через минуту добавляет мне, — Проходи в дом, Таня, и договорись с Арсом. Он умеет слушать.

Глава 12

— Таня! — с невероятным облегчением в голосе встречает меня Фатима, стоит переступить порог их проклятого дома, — Слава Аллаху, все закончилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.